

Каждая новая годовщина ГКЧП, теперь — уже 27-я по счёту, вновь и вновь заставляет нас всматриваться в эту трагическую страницу отечественной истории, искать внутри, казалось бы, вдоль и поперёк известного, выученного наизусть текста какие-то скрытые смыслы, вспоминая sacramентальную горбачёвскую фразу: "Всея правды вы никогда не узнаете". Написанная в жанре "альтернативной фэнтези-истории" работа постоянного автора нашей газеты представляет собой важную не для прошлого, а для будущего попытку обозначить ту системную "точку бифуркации", где "всё могло пойти иначе".

ПЛАВРЕД "Народного дня" явно пытался добиться от председателя Экспертного совета правительства чего-то большего:

— Валерий Иванович, и всё же... Мы сегодня вспоминаем события тридцатилетней давности как нечто естественное, predetermined всем предыдущим ходом истории. Кризис, возникновение мощной оппозиции, её противодействие мерам по стабилизации обстановки, попытка взять власть в августе 1991 года, реальное пробуждение общества, поддерживавшего антикризисные меры, разгром путча, создание новых демократических институтов общества, взятие ими под полный контроль деятельности исполнительных органов, роспуск дискредитировавших себя институтов... Всё естественно, и всё по классике, даже название многих созданных структур и инициативы — чуть ли не из учебников истории революции.

Но, может быть, могло случиться иначе? Путч мог победить? Понимаю, что само предположение выглядит неестественно, но всё же?

Коваль явно делал над собой усилие:

— Мог. Никто, включая и многих участников событий с нашей стороны, просто не представлял, насколько всё висело на волоске. По большому счёту всё было против нас. Противник опирался на значительную общественную поддержку. Во вторник, когда мы включились в борьбу, к нам присоединились десятки тысяч москвичей. Собственно, самого ГКЧП, то есть активно-силового выступление государства в защиту конституционного строя — ждали уже года два. И, когда было заявлено о том, что у руководителей страны нашлась воля для этого шага, большинство граждан испытало нравственный подъём. В первый же день те члены партии, у которых накопились многомесячные взыскания (никто не понимал, чем она занимается, почему не противодействует развитию событий, сдвигает одну позицию за другой), чуть ли не в очереди выстраивались, чтобы их уплатить. В партокомы пошёл поток заявлений о вступлении в партию. Было общее настроение большинства — "Наши вернулись!"

Но ГКЧП как-то сразу заколебался. Собственно, я как член горкома ещё в апреле предлагал и с этого момента разрабатывал для Прокофьева организационные схемы введения чрезвычайного положения. Как одну из первых мер они включали интернирование руководства России и оппозиции. Последняя встреча перед событиями состоялась примерно за десять дней до ГКЧП. И Юрий Анатольевич тогда сказал: "Это — гражданская война. Партия на это не пойдёт".

Но к вечеру 19 августа стало ясно, что ГКЧП явно не знает, что нужно делать. Они не интернировали лидеров противника, не установили контроль над коммуникационными узлами. Вообще оказалось, что не были готовы к подавлению возможного путча антиконституционных сил.

Более того, их ошибкой было и проведение пресс-конференции в первый день выступления, и поведение на ней. И главная политическая ошибка — то, что они заявили: "Горбачёв просто неважно себя чувствует и ещё к нам присоединится". Вот с этого момента начался обвал доверия к ним. Общество тогда главным врагом считало не Ельцина, а Горбачёва. Чтобы завоевать первоначальную поддержку общества, нужно было открыто сказать, что Горбачёв преступник и низложен.

Пока они бездействовали, путчисты наращивали сопротивление. Вечером 19 августа к Белому дому подъехал Шанцев, после чего поставил Бюро МГК (Московского городского комитета) в известность, что события больше всего похожат на штурм: путчисты укрепляют подступы к своей Ставке, а никакие действия власти не видно. Уже позже мы узнали, что члены ГКЧП перед выступлением всерьёз надеялись на бескровное развитие событий и чуть ли не слово дали друг другу, что самораспускаются, если прольётся хоть капля крови.

Стало ясно, что горкому нужно выработать свою позицию. Вечером состоялось расширенное Бюро МГК. И многие были за то, чтобы ни во что не вмешиваться, ждать развития событий. Тогда Прокофьев предложил заслушать анализ наиболее вероятного развития событий, исходя из сложившегося положения вещей. Из него следовали вещи, казалось бы, из области ненаучной фантастики. Дело даже не в том, что путчисты побеждали и в том или ином виде "управлялась" диктатура Ельцина. И даже не в том, что к концу недели партия была бы запрещена.

Зимой прекратил бы своё существование Советский Союз: республиканские элиты просто разделили бы его между собой.

Реализация экономических обещаний Ельцина и требований оппозиции уже к

началу нового года обернулись бы коллапсом экономики и нищетой населения. Производство было обречено на остановку. В стране пошла бы деиндустриализация и гибель наиболее перспективных отраслей промышленности. А предприятия ушли в частные руки, причём не для функционирования, а для распродажи оборудования и сдачи помещений в аренду под офисы и торговые центры.

Плавред унылнулся:

— Это же чистый алармизм. Такого не могло бы быть просто потому, что не могло бы быть никогда.

ПОБЕДА НА РАЗВИЛКЕ

История предполагаемых обстоятельств

— Так многие и реагировали. Но, всё же, большинству проверить не захотелось. Один-два голоса перевесили, и Бюро приняло общую схему действий. К утру подготовили развёрнутый план. Весь день в горкоме звонили телефоны: партокомы предлагали помощь, рабочие готовы были поддержать меры по наведению порядка. К утру у нас уже было две-три тысячи ребят с заводов, прошедших военную службу. Охрана горкома заявила, что подчиняется только его Бюро и, насколько могла, вооружила пришедших.

К восьми утра Прокофьев был на телевидении, зачитал обращения Бюро МГК. Прямо говорилось об опасности антиконституционного переворота, тех последствиях, к которым это приведёт. Было объявлено, что Горбачев смещён и привлекается к ответственности. Союзный и Российский ЦК партии распущены как бездействующие, а МГК берёт на себя их функции и ответственность за положение в столице.

Членов партии и всех, способных носить оружие, призвали встать на защиту Конституции и социально-политического строя. МГК призвал создавать на предприятиях рабочие комитеты и на их основе формировать снизу вверх структуры комитетов общественного спасения, отряды защитников Конституции.

К вечеру мы имели пятьдесят тысяч человек, командующий московским гарнизоном и Прилуков заявили о нашей поддержке. ГКЧП к этому моменту впал вообще в какую-то прострацию — и вечером в эфире всех каналов нами было объявлено о создании Гражданского комитета общественного спасения (ГКОС).

Но путчистов вокруг Белого дома было до ста пятидесяти тысяч, причём включая вооружённых автоматами людей явно криминального вида, да и многих военных. Ночью с 20 на 21 августа обсуждался вопрос о том, как вести себя по отношению к ним. Было первоначально два варианта: переговоры и рассеяние с минимизацией жертв. Но наш анализ показал, что нужно не просто ликвидировать этот очаг путча. Нужно продемонстрировать волю (чего не было у ГКЧП) и решимость идти до конца. Приняли жёсткий вариант. Было передано постановление ГКОС об объявлении вне закона всех, оказывающих сопротивление рабочим комитетам и решениям ГКОС. За открытое сопротивление рабочим отрядам вводился расстрел на месте.

Утром в пять и пять тридцать предложили разойтись, причём предупредили, что при отказе будем действовать по законам военного времени. В шесть начался штурм. На него пошли именно рабочие отряды: мы хотели, чтобы судьбы страны были решены не армией и КГБ, а силой структур гражданского общества. Кстати, когда говорят, что "защитники демократии" просто "расстреляли из пулемётов" — это неправда. В рабочих отрядах на тот момент приходился один автомат на пятерых. Остальные были вооружены в основном стальными прутьями и обрезками водопроводных труб. На штурм шли под автоматным огнём. Оказалось, что в Белом доме были и пулемёты, и базуки, и гранатомёты. Автоматчики, насколько могли, подавляли огонь противника. А так — трудя на грудь. И с установкой: сопротивляющийся не щадить, разбегаящихся не выпускать. Они сами избрали свою судьбу, выступив против того, что мы создавали семидесять лет. Мы сознательно создавали шоковый эффект. Принцип был один: народу — власть, его противникам — кара. Деваться было некуда, всё висело на волоске.

В этот же день, 21 августа в Москву был доставлен Горбачев. Прямо на аэродроме, в прямом эфире ТВ ему было официально зачитано обвинение Московской прокуратуры и созданного днём Гражданского Трибунала, с требованием смертной казни, а сам он отправлен в "Морскую Тишину". После этого поддержка явного большинства граждан нам была уже гарантирована.

Вынесли смертный приговор ему позже, 25 декабря 1991 года. По опросам социологов, приговор одобрили 90 % населения.

Некоторое время — около года — ещё работали Верховный Совет и съезды Союза и России. Но для повышения эффективности их работы, во-первых, взявшие их под охрану рабочие отряды отсеивали при входе в зал наиболее активных противников Конституции; во-вторых, заседания были объявлены открытыми для присутствия представителей предприятий и рабочих комитетов. Депутаты работали под непосредственным контролем граждан. Ко-

митет общественного спасения предлагал очень жёсткие меры. Как в политике, так и в экономике. И твёрдых сторонников у нас было порядка четверти состава депутатов. Противники, кстати, больше — порядка трети, остальные — "болото". Но нас поддерживал народ, его непосредственные представители, занимавшие свободные места и стоявшие вокруг зала.

К 30 августа ГКОС был реформирован: разделён на Гражданский комитет общественного спасения и Гражданский комитет общественной безопасности. Первый занялся в основном экономикой, второй — политикой и госстроительством. Примерно к ноябрю были решены вопросы почти со всеми республиками: Казахстан и Средняя Азия поддержали сразу и практически полностью. Назарбаев возложил Гражданскую комиссию Союзного Обновления. Первой, кстати, поддержала Грузия: что-то там повернулось в голову у Гамсахурдия. Эти республики помогли и продовольствием в первые месяцы, и послали бригады добровольцев в поддержку нашим рабочим отрядам. Порядок наводили вместе. На Украине Гражданскому комитету пришлось расстрелять Черновилла: прямо перед камерами, перед зданием Верховного Совета. Западенщину зачищали жёстко, как антоновцев в 1922 году: рабочие отряды шли с востока и юга, им на помощь перебросили дружины из Узбекистана и Чечни. Не было проблем с Белоруссией. Довольно быстро всё решилось с Азербайджаном. С Арменией вели переговоры до 1993 года и договорились. В Прибалтике обезвредили сепаратистов и подавили вооружённые мятежи к весне 1992 года. Особо там отличились интерфронты и бригады таджикских добровольцев.

В Молдавии порядок навели приднестровцы и грузинские федераты. В августе 1992 года был взят Кишинёв. Конечно, на нас оказывалось давление со стороны известных стран: и тогда, когда мы подавляли сопротивление антиконституционных сил в России, и тогда, когда мы ликвидировали сепаратистские движения в республиках, и тогда, когда оказывали помощь в восстановлении народных правлений в Восточной Европе. Давление было очень сильным. Но, если за твоими плечами судьба одной шестой планеты, трёхсот миллионов населяющих её людей, вера в свою правоту и осознание, что отступать некуда, этого давления начинаешь не замечать. И потом, что они могли нам сделать? В военном отношении — вообще ничего. Экономические санкции — мы с самого начала знали, что у нас достаточно своих ресурсов для существования и развития и взяли курс на их первоочередное использование. Прозападные правозащитные группы — деятельность их была пресечена населением раньше, чем успела принести вред.

Да и у нас были союзники: как те, что остались на социалистическом пути развития, так и представители другого лагеря. Огромную поддержку оказала сразу державшая нас Франция. И в США сильны были группы, которые считали, что лучше иметь на одной шестой части планеты сильное, но непредказуемое государство, с которым так или иначе можно договориться, нежели неуправляемый хаос. Это привело к подписанию в апреле 1999 года Второго Потсдамского акта, подтвердившего решения Большой тройки времён войны и Хельсинкского заключительного акта. Причём тут победой было и то, что нам удалось отстоять решение об аннулировании соглашения по Третьей корзине. Всё проис-

ходящее в определённой в 1945 году зоне нашей ответственности было признано исключительно внутренним делом нашей страны и наших союзников. На нас работала и ситуация: в мире с 1997 по 1999 год бушевал финансовый кризис, у нас — росло производство и реконструировалась промышленность.

Стабилизация ситуации началась с первых недель деятельности комитетов общественного спасения и общественной безопасности. В ноябре 1991 года прошёл, как и планировалось ранее, 29-й съезд КПСС. Была осуждена политика последних лет, её активные участники и сторонники исключены из партии и дела их переданы в Гражданский Трибунал. Генеральным секретарём был избран Юрий Прокофьев. Но, по нашему предложению, создан Высший научный совет партии, обладавший правом приостанавливать решения любых партийных органов и лиц, если эти решения приходят в противоречие с по-

литическими и экономическими условиями страны.

«55°45′20.83″N,37°37′03.48″E» (2012). Художник Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ. Компьютерная графика с использованием фотографии Глеба КОСОРИКОВА.

«55°45′20.83″N,37°37′03.48″E» (2012). Художник Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ. Компьютерная графика с использованием фотографии Глеба КОСОРИКОВА.

ложениями нашей партийной теории. В партии началась кампания по переаттестации членов, включавшая, в частности, учёт позиции, занимавшейся в период с 1986 по 1991 год. Благодаря этому партия была сокращена до 10 миллионов человек по Союзу.

Перед этим на базе рабочих комитетов и рабочих отрядов был создан Рабочий фронт, взявший на себя контроль над деятельностью всех ветвей власти. Его представители в качестве гостей присутствовали на съезде КПСС и оказывали воздействие на решение делегатов.

Собственно военные, политические и дипломатические задачи — всё это было не главное, всё это было производное. Главных проблем было две. Первая — преодоление кризиса, рождённого безумной политикой, проводившейся примерно с 1987 года, восстановление привычной материально-бытовой жизни. Но этого явно было мало. Восстановить, пусть даже в лучшем состоянии, 1980 год — это означало вновь прийти к проблемам 1985—1986-го (а потом и 1990—1991-го).

И вторая проблема — создать по сути новую экономику, прорваться к технологиям и производству постиндустриального типа, не отказываясь от социализма. То есть — без рынки и частной собственности. Новый тип производства, новый тип потребления, новый тип бытового обеспечения. От общества потребления, каким был и западный капитализм, и поздний советский социализм, перейти к обществу познания.

Это, на первый взгляд, казалось нерешаемым. Но, когда мы взялись уже за первую проблему, стало ясно, что она значительно проще, чем казалось и нашим предшественникам, и нам. Нужно было: взять под контроль хозяйственные связи; установить твёрдый уровень цен и зарплат, обеспечивающих привычный уровень потребления; ввести систему адресного,

гарантированного распределения продуктов. Этим занялась Продовольственно-товарная комиссия Комитета общественного спасения, опиравшаяся на Рабочий фронт и его боевые отряды.

Секции Рабочего фронта в кварталах и на предприятиях совместно с комиссиями продкомиссии выявляли реальную потребность граждан в тех или иных товарах, принимали заказы и передавали их производителям. А затем — под охраной рабочих отрядов — товары от производителя доставлялись потребителю. Попытки дезорганизовать этот процесс, повлиять на распределение с корыстной целью — пресекались жестоко. В стране была установлена товарная диктатура.

И вдруг оказалось, что всем всего хватает, что в стране производится товаров даже больше, чем нужно для текущего потребления. Оказалось (когда мы ещё только анализировали ситуацию), что и в 1990-м, и в 1991-м практически не было никакого спада производства. С сентября 1991 по примерную март 1992 года шла жёсткая борьба: бандгруппы, финансируемые теневой экономикой, нападали на перевозчиков — сопровождавшие товары отряды. К марту нам удалось с ними покончить — в частности благодаря воссозданию (опять к 20 декабря) Чрезвычайной Комиссии по борьбе со спекуляцией и саботажем. Подавлением контрреволюции, то есть антиконституционной и антисоциалистической деятельности, занимались комиссии Гражданского

комитета общественной безопасности и Гражданский Трибунал. Уже к середине 1992 года, начиная с апреля, страна почувствовала, что каким-то чудом живёт — чуть ли не лучше, чем в 1985 году. Причём не только в Москве и Ленинграде. К началу 1993 года эффект достигался до отдалённых районов и посёлков.

Но ясно, что это ещё не обеспечивало прорыв. Уже осенью 1991 года мы начали обеспечивать условия для восстановления деятельности ключевых научно-технологических центров и создавать новые.

Секции Рабочего фронта совместно с профильными научными центрами составили по каждому предприятию и каждой отрасли "карты обновления", описывавшие проблемы предприятия и задачи его реконструкции, потребности в новом оборудовании и технологиях.

Комитет общественного спасения в созданных при нём научно-проектных секциях определял, какие потребности могут быть обеспечены на базе имеющихся научных и технологических заделов, а какие — требуют новых разработок и оборудования. Заказы на внедрение первых и разработку вторых поступали от него в обновляемые и создаваемые заново научные центры и КБ, а также — в образующие мультиверситеты и научные горюлки, созданные в рамках Программы "Обникон 2000". Была поставлена задача — в десять лет обеспечить выход экономики на постиндустриальные рубежи. Для этого — создать в течении трёх лет Фонд реконструкции ориентировочно в пять триллионов долларов.

Для этого те отрасли, которые уже работали на мировом уровне либо его опережали, были объединены в профильные корпорации и сориентированы на решение двух задач: создание банка технологических решений и создание фонда финансового обеспечения технологического прорыва.

Имеющиеся и создаваемые прорывные технологии, артефакты искусства (в том

числе кинопродукция) — всё это шло на экспорт для обеспечения финансового задела. Практически по всем направлениям на мировом рынке новых технологий мы смогли тогда потеснить США.

Комитеты стали публиковать данные о динамике пополнения фонда — и вся страна, как за фронтовыми сводками, следила: на сколько тысяч рублей за тот или иной день пополнился Фонд Прорыва, для скольких предприятий разработаны "карты реконструкции", а потом — на скольких план реконструкции реализован. За 10 лет формирования фонда только из личных средств граждан поступило на его счёт около 750 миллионов долларов.

И уже с 1996 года мы начали реконструкционный прорыв. Сначала мы стали понимать, что выигрываем — когда развитые страны стали интересоваться возможностью вложения средств в нашу промышленность. В 1998 году они начали вести переговоры о займах у нас. К 2005-му — стали активно покупать продукцию наших реконструированных заводов. Тем большей победой стал приход к власти на выборах в Германии Национально-трудового фронта, заявившего о включении в систему "Стратегического партнёрства ради справедливости", объединившую в 2000 году большинство стран Народной Власти.

Вы говорите о том, что в обществе всё это воспринимается как продолжение некой прямой линии восхождения, идущей от Октября 1917 года, что всё было детерми-

ровано и история просто не могла развиваться иначе.

Но сколько раз мы висели на волоске!.. И Рабочий фронт, комитеты, обновление Партии и План Прорыва — останутся только фактами истории.

Сколько раз мне казалось — сначала на докладах Бюро МГК ещё 19—20 августа, потом на заседаниях комитетов и в избранном в декабре 1993 года Трудовом Конвенте — что уж после этих-то предложений со мной точно будет покончено... Объявят каким-нибудь нехорошим и отправят в Гражданский Трибунал. А потом узнавал, что присутствовавшие на заседаниях представители предприятий рассказывали в коллективах: там какой-то умный парень появился — дело говорит.

И всё-таки мы победили. Всё-таки — нас поддержали. И сегодня, в августе 2021 года, тут, на фронтоном Дворца Советов, мы имеем право написать: "Здесь живёт единственная сверхдержава". А могло случиться, что эти слова писались бы не здесь и не нами.

Да, за нами была История и Теория. Но за нами была наша Воля. Это Победа нашей Воли. Но это — и победа Веры в нас.

Мы ничего не стали навязывать гражданам страны. Мы просто помогли им организовать и начать "драться" за свои интересы. И оказалось, что интересы тех, кто создаёт, и есть интересы страны. Рабочий фронт стал возможен именно как самоорганизация активной части общества — и оказалось, что это самоорганизация большинства. Мы лишь помогали советами. Мы были экспертами при тех, кто отставал своим интересам, и помогли им анализом, проектами и советами. И они им следовали. Потому что видели — у нас есть Воля. Видели, что мы умеем видеть цель, не замечать препятствий, и верить в себя.

Не будь этой Воли — всё могло бы быть иначе.

"Правительство Российской Федерации постановляет:

1. Установить целевой показатель сжигания попутного нефтяного газа на факельных установках на 2012 год и последующие годы в размере не более 5 процентов от объёма добытого попутного нефтяного газа (далее — целевой показатель".

"Правительством РФ принято постановление от 08.01.2012 (протокол № 7, пункт 2) по принятию мер для предотвращения загрязнения атмосферного воздуха выбросами вредных (загрязняющих) веществ и сокращению выпуска парниковых газов, образующихся при сжигании ПНГ.

Статья 77. Обязанность полного возмещения вреда окружающей среде

1. Юридические лица, причинившие вред окружающей среде в результате её загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иного нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, обязаны возместить его в полном объёме".

"3. Вред окружающей среде ... возмещается в соответствии с ... таксами и методиками, а при их отсутствии, исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учётом понесённых убытков, в том числе упущенной выгоды".

КОЛЛЕКТИВНАЯ ЖАЛОБА жителей Ташлинского района Оренбургской области позвала в дорогу. Более суток мы: автор этой статьи, а также исполнительный директор ВООП Самарской и Оренбургской областей И.И. Демидов, — знакомились, в сопровождении представителей ташлинского родового казачества, с местной экологической и экономической ситуацией.

Не буду называть компании и фамилии их руководителей, обрисую только происходящее вокруг наших сёл: Иртек, Шудырево, Луговое, Бородино, Трудовое, Киндель, Шумаевка, Кузьминки, а также самого райцентра Ташлы.

Евгений ЧЕБАЛИН

ЧЁРНЫЙ СПРУТ ГЕНОЦИДА

Оренбургская нефть: эксперимент или халатность?

Здесь проживают около двух тысяч жителей, в основном — казаки, предки которых давно обосновались в Оренбургской области, организовав при поддержке Кремля "Союз казаков-воинов России и Зарубежья". Ныне среда обитания ташлинцев — это рвущие небо яростным огнём и чёрной копотью факелы сжигания "попутного газа" и нефтепродуктов, их чудовищный, давящий на мозг и сердце постоянный рёв, не уступающий децибелами реактивному самолёту на взлёте. От него дребезжат стёкла, дают трещины стены, разрушаются фундаменты домов. Гарь и смрад от этих факелов приводят к тому, что чихает и дохнет скотина и птица, засыхают плодовые деревья и ягодники. Даже при обильном поливе перестает рождать земля.

Озёра, реки, ручейки покрыты чёрно-радужными, ядовитыми разводами, в колодцах — бензиново-тухляк, непригодная к питью вода. Загильные луга, сеносеки, пастбища разворочены траншеями, равами и дорожными колеями от 40-тонных нефтевозов.

С живой земли хищно сдирается "кожа" — легендарный оренбургский чернозем. Его грузят на сотни самосвалов и свозят, перемешку с гравием, на одну гигантскую площадку — для будущего нефтяного комплекса.

Чихнут, задыхаются в прогрессирующем удуше и кашле сотни жителей. В их лёгких обнаруживают чёрные каверны. В сёлах нет ни одного медпункта. Попытки писать и устно жаловаться в природоохранные органы, прокуратуру и МВД исчезают в чёрной беззвучной дыре.

К некоторым особо настырным жалобщикам являются "наёмники" из частных охранных служб. Рассказывает мать казака, у которого мы ночевали.

"Ночью была одна, сын в своей квартире. Стучат. Спрашиваю: "Кто?" Из сеней приказывают: "Открывай!" — "Кто такие?" Мне вопрос: "Это ты жаловался в прокуратуру, что восемнадцать циплят у тебя за ночь сдохли, воду в колодце пить нельзя?" У меня сердце в пятки: "Нет, — говорю, — не жаловался". Те дверь дергают: "Открывай, старая!" Кричу: "Чего вам надо?!" Буроват дурь: "Газовый счётчик посмотреть". "Смотри, — говорю, — он в сенях у тебя над головой". Добряк кулаком в дверь, спрашивает: "Сын дома?". "Сына нет", — отвечаю. А я с ружьём, курки взвела: "Вломитесь — за себя не ручаюсь, твою дурную башку продырявлю". Постояли, потом ушли".

Читаю обращения жителей в общественную приёмную ВООП по поводу бандитского навала нефтяников: "воздух пропитан гарью... дети на улицах в отдельные часы падают в дорожку", "вода в скважинах и колодцах маслянистая, синемутная, её нельзя пить", "поверхность почвы и растения покрыты чёрным налётом, овощи, ягодники желтеют и сохнут, деревья погибают даже при обильном поливе", "разливы нефти в кюветах и на пастбищах", "неоднократные выкидыши мертворождённого плода у животных", "вода в реках и озёрах отравлена, почти переродила рыбу", "плодородный слой чернозёма с полей сдирают и увозят неизвестно куда, такого и при факштах не было".

Чиновники в ответ сообщают о "дополнительных проверках" — и на этом всё.

Попытку получить в районной больнице сведения о динамике заболеваний населения за последние два года вызвали панический испуг медиков: вы хотите, чтобы нам головы сняли? Таких сведений мы не даём, отправляем все результаты в Оренбург.

Можем сказать лишь одно: количество и тяжесть заболеваний резко возросли — инсульты, сердечно-сосудистые болезни, рак. Главная причина — экологическая ситуация.

Изучая карту Оренбургской области с нанесёнными на неё буровыми, итога всю эту ситуацию со скважинами и горящими факелами, трудно отделиться от определения: идёт истребление коренных жителей, казачества, ради "бабла", для которого люди — лишь помеха.

Оценивая ситуацию как экологическую катастрофу неизбежно наткнешься на вопрос: а какова, собственно, юридическая основа нефтедобычи в Ташлинском районе и Оренбуржье? На каких правовых законных основаниях ведётся варварский отсос нефти из недр в самом сердце России?

Оказывается, нет никакой добычи: нефть всего лишь экспериментально-опытный "забор нефти для анализов", который длится уже годами.

Горящие факелы попутного газа из скважины, перед ней — очередь из нефтевозов, которые направляются и увозят "чёрное золото". Сотни 40-тонных машин, изорвавших шинами всю территорию района — это не матерья, полновесная добыча, а разведка!

Ночью мы зафиксировали на видео и фото у одного только факела (их в области около 20) вереницу из 17 машин, которые по очереди заправляют нефтью и увозили её. Куда? Кому идёт обьёт, платятся ли из него все положенные налоги? Законовырстая задача для налоговых органов — высчитать, сколько утекло денег мимо федерального и регионального бюджета. В чьи карманы?

Ещё одна немаловажная составляющая этой проблемы: радиационная заражённость ташлинской нефти, "расползающейся" уже сотнями тысяч тонн.

Разведанное ещё в советское время, это месторождение было наглухо закупорено, с предписанием — начать добычу только в случае войны! Причина: у этой нефти был недопустимо высокий радиоактивный фон. Казакам удалось раздобыть у знакомого водителя нефтевоза ведро этой нефти и сделать в лаборатории анализ. Советские данные подтвердились, после чего результаты анализа бесследно исчезли.

Так откуда, из каких правительственных (или олигархических) высот поступила команда — под сурдинку распахать Ташлинское месторождение, не трясаясь ни на какие положенные природоохранные и природовосстанавливающие мероприятия?

Мы, представители федеральной прессы, Союза воинов-казачков, Федерального ВООП и корпорации "Технопрогресс", готовы предложить хозяевам истребительной нефтедобычи адреса нескольких фирм и организаций с многолетним успешным опытом работы на нефтепромыслах, если таковые им неизвестны.

Гарантируются:

- а) ташение факелов с параллельной установкой на них хайтек-системы для улавливания попутного газа и изготвления из него БТК-фракций. Кардинальное отличие этой системы от западных аналогов: она перерабатывает, а не утилизирует, в разы компактнее, дешевле этих аналогов и эффективнее в работе;
- б) ремонт и очистка насосно-компрессорных труб скважины от асфальто-смоло-парафиновых отложений и гидратных пробок. Длительность ремонта, в отличие от недельного срока у аналогов — один сутки;
- в) сбережение нефти и нефтепродуктов, которые будут уже установленными в резервуары многих корпораций, позволяють обречать за год сотни тысяч тонн лёгких фракций, существенно, в разы, снижают атмосферу. И.т.д. и.т.п.

Всё вместе неизбежно дало бы, помимо экономического эффекта, кардинальное оздоровление экологической обстановки и снятие социального взрывоопасного напряжения.

Если немедленно не заняться этим, накопившийся протестный потенциал жителей Ташлинского района неизбежно польхнёт "протуберанцами" действия.